

УДК 94(367)

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

П. И. Прудовский

Взгляд литовской шляхты на Варшавскую битву 1656 г.

Прудовский Петр Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: p.prudovskiy@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-9158-7809

Цитирование

Прудовский П. И. Взгляд литовской шляхты на Варшавскую

битву 1656 г. // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 12–31.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

Статья поступила в редакцию 25.02.2025.

Рецензирование завершено 12.06.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В русских дипломатических источниках сохранились следы «литовской версии» Варшавской битвы 28–30 июля 1656 г., рисующие картину сражения, не совпадающую с известными шведскими, польскими и бранденбургскими сообщениями о ней. Напрашивается вывод, что эти сообщения отражают восприятие Варшавской битвы, популярное среди шляхты Великого княжества Литовского, а их политическая направленность отражает распространившуюся в той же среде в 1656 г. ориентацию, противопоставившую Литву и Польше, и России. Невозможность в реальных условиях войны следовать этим «третьим путем» привела к скорому размыванию этой ориентации, почему она и не нашла отражения в других источниках. В статье анализируется и публикуется наиболее подробное сообщение о Варшавской битве и последовавших за ней событиях польско-шведской войны, исходящее от представителей литовской магнатерии и шляхты: Ю. Глебовича, Я. Храповицкого и др.

Ключевые слова

Россия XVII в., Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Северные войны, шляхта Великого княжества Литовского, А. И. Несторов, Ю. К. Глебович, Я. А. Храповицкий.

Варшавская битва 28–30 июля 1656 г. (нового стиля) была крупнейшим полевым сражением польско-шведской войны 1655–1660 гг., в которой сошлись войска двух коалиций: с одной стороны, Речи Посполитой и Крымского ханства (более 40 тыс. чел.), а с другой – Швеции и Бранденбурга-Пруссии (около 18 тыс. чел.). Она вызвала большой резонанс в Европе. По горячим следам сражения особенно широко распространились повествования о нем шведской стороны, в которых превозносилась победа армии Карла X Густава. От шведов старались не отстать их союзники бранденбуржцы, опасавшиеся, что те припишут всю славу себе. Польские отклики о битве, напротив, были направлены на преуменьшение масштабов поражения и поиск ободряющих деталей, которые могли бы его скрасить. Шведская, бранденбуржская и польская версии давно введены в научный оборот. При этом мы по-прежнему недостаточно знаем о литовском участии в битве. Если состав коронного войска известен достаточно хорошо, о литовских подразделениях имеются лишь отрывочные данные. Между тем в русских дипломатических источниках сохранились следы «литовского голоса», и они настойчиво рисуют картину, противоречащую и упомянутым версиям, и, отчасти, объективным данным о сражении. Напрашивается вывод, что эти сообщения отражают восприятие Варшавской битвы, распространившееся среди шляхты Великого княжества Литовского. Целый ряд таких сообщений исходил от различных представителей шляхты Великого княжества Литовского и от литовских евреев, чьи сведения, очевидно, также восходили к информации шляхты. Сообщения эти различались в деталях, не всегда достоверных, но упорно возвращались к одному и тому же устойчивому мотиву: объяснению причины поражения разногласиями и конфликтами между польской и литовской частями войска¹. В известных изложениях битвы этот мотив совершенно не представлен; думается, он заслуживает самого пристального анализа.

Настоящее сообщение посвящено тексту наиболее подробного и связного изложения литовцами обстоятельств Варшавской битвы. Мы находим его в посольском дневнике («статьйном списке») стольника А. И. Нестерова, в сентябре 1656 г. проезжавшего через Брест-Литовский с дипломатическим поручением к польскому королю. Он имел беседы с различными представителями литовской шляхты, из которых о битве, по его словам, ему рассказали трое: генеральный

¹ Прудовский П. И. Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27.

староста жмудский Юрий (Ежи-Кароль) Глебович, Ян Храповицкий и «королевский покоевый дворянин» Оборский².

Что известно об обстоятельствах появления этого сообщения и его авторах?

Афанасий Иванович Нестеров на заре своей карьеры в конце 1620-х гг. был одним из стольников патриарха Филарета. После смерти предстоятеля, когда его двор был расформирован, молодой человек был переведен в государев двор и служил в стряпчих до 1655/56 г. Основным местом его работы был Стольный приказ, где он занимал должность второго судьи. Документы фиксируют его в этом качестве с конца 1654 по 1664/65 г., хотя и с большими перерывами³. Перерывы эти были связаны прежде всего с его участием в государевых походах 1655–1656 гг. В это же время началась и его дипломатическая деятельность. Во время второго похода, после взятия Вильны, осенью 1655 г. он был послан из Большого полка Я. К. Черкасского в Ригу с грамотой от бояр к лифляндскому генерал-губернатору М. Г. Делагарди⁴. Во время третьего похода в конце августа 1656 г. его направили из-под осажденной царем Риги к польскому королю. Именно в ходе этой поездки Нестеров встречался в районе Бреста-Литовского с представителями литовской элиты и записал их рассказ о Варшавской битве⁵. Не успев вернуться в Москву, Нестеров был с дороги отправлен к величайшему гетману литовскому П. Сапеге, которого русское правительство в тот момент надеялось привлечь в подданство царя, и пробыл у него до середины 1657 г.⁶ Уже в марте следующего года он получил новое дипломатическое назначение, на сей раз – в Бранденбург-Пруссию, где должен был вести переговоры не только с курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом, но и с Богуславом Радзивиллом, пытаясь добиться их поддержки в деле инкорпорации Великого княжества Литовского

2 Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 79.

3 Боярская книга в столбцовой форме 1630–1631 гг. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: Научный альманах. М., 2023. Вып. 14. С. 138; Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов. М., 1999. С. 76; Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2004. С. 57; Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 160–161.

4 РГАДА. Ф. 96 «Сношения России с Швецией». Оп. 1. 1655 г. № 8. Л. 44–170; Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 33.

5 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 30; см. также Флоря Б. Н. Русское государство... С. 135–141.

6 РГАДА. Ф. 79. 1565 г. № 44, 44а; Флоря Б. Н. Русское государство... С. 183–184.

в Российское государство⁷. На обратном пути из Пруссии Нестеров попал в Ковно именно в тот момент, когда восставшая против русской власти литовская шляхта готовилась захватить его, и до февраля 1659 г. находился в осажденном городе. При этом ему пришлось вновь встретиться с Ю. Глебовичем, теперь одним из руководителей осады, и вести с ним переговоры⁸. После снятия осады стольник был вновь направлен к польскому королю, от которого вернулся в июле того же года⁹. С конца 1661 г. по осень 1662 г. Нестеров вновь ездил в Польшу для переговоров о перемирии¹⁰. После этого Афанасий Иванович возвращается на гражданскую службу в приказе¹¹. В 1667–1668 г. ему пришлось тряхнуть стариной, отправившись с посольством в Константинополь¹². После этого Афанасий Иванович был поощрен выгодным воеводством в Двинской земле на максимально возможный срок в три года: с 1670 по 1673¹³, куда поехал уже думным дворянином¹⁴. Эти пожалования, надо полагать, отражали высокую оценку его дипломатических трудов. В 1675/76 г. он был еще жив и продолжал числиться думным дворянином¹⁵. В посольство 1658 г. с ним ездил его сын, види-

7 РГАДА. Ф. 74 «Сношения России с Пруссией». 1658 г. № 2; 3; *Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.* М., 2013. Т. 1. С. 508–512.

8 *Прудовский П. И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Ковна от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Едино-рогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени.* М., 2011. Вып. 2. С. 342–347.

9 *Флоря Б. Н. Русское государство… С. 448–449, 468; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1659 г. № 5. Л. 108–110, 117–119.*

10 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1661 г. № 17, 18; *Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления.* М., 2013. С. 20–21.

11 *Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник.* Казань, 2009. Т. 2. С. 271.

12 *Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа… С. 228–229.*

13 *Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия.* СПб., 1902. С. 65.

14 Боярская книга 1667 года / публикация В. А. Кадика // *Российская генеалогия: Научный альманах.* М., 2023. Вып. 14. С. 390. В момент составления книги числился стольником, но недатированная помета сообщает о его производстве в думные дворяне. В качестве думного дворянина на должности двинского воеводы: *Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.* / сост. П. И. Прудовский. М., 2013. Т. 1. С. 335.

15 Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 291.

мо, достаточно юный, ибо в боярской книге 1658 г. он еще не верстан, а в аналогичной книге 1667 г. числится стряпчим¹⁶.

В обеих посылках 1656 г. при Нестерове не было ни переводчика, ни толмача, а в посылке 1659 г. имелся лишь толмач немецкого языка, перед тем сопровождавший его в Пруссию. Лишь в 1661 г. Нестерову дали переводчика польского языка, чего требовал сам статус посольства. Все эти данные указывают на то, что Нестеров сам неплохо владел польским языком. Очевидно, это обстоятельство должно было стать важным резоном для его назначения на дипломатическую службу.

Юрий Миколаевич (Ежи-Кароль) Глебович (ум. в 1669 г.), с 1653 г. генеральный староста жмудский, был последним – он не оставил мужского потомства – представителем одного из виднейших магнатских родов Литвы¹⁷. Хотя еще его отец, Миколай, перешел из кальвинизма в католичество, Глебовичи сохраняли тесную связь с биржанскими Радзивиллами. Сам Ежи-Кароль в 1640 г. женился на сестре Януша Радзивилла, впоследствии великого гетмана литовского, и до 1655 г. находился в его политической орбите.

Когда после взятия Вильны Алексеем Михайловичем Радзивиллом, пытаясь объединить вокруг себя литовскую шляхту, заявил о подчинении Литвы шведскому королю, подписи Глебовича не оказалось под Кейданской декларацией 17 августа 1655 г., хотя на переговорах со шведами гетман называл его в числе тех влиятельных лиц, на чью поддержку они могут рассчитывать¹⁸. Впрочем, его и не было ни в столице, ни при армии: беглецы из-под Вильны, уходящие в Пруссию, встретили его того же 17 августа за Неманом, двигающимся со всей семьей с Подляшья на Жмудь¹⁹.

В формировании Вержболовской конфедерации литовского войска, верной королю и объявившей Радзивилла изменником, одну из ведущих ролей играла казацкая хоругвь Глебовича во главе

16 Прудовский П. И. Не только первом... С. 347; Боярская книга 1667 года. С. 456.

17 Rachuba A. Magnateria – specyfika litewska // Honestas et turpitud: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. E. Dubas-Urwanowicz, M. Kupczewskiej, K. Łopateckiego i J. Urwanowicza. Białystok, 2019. S. 59, 64.

18 Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Södertörn, 2006. S. 105–107, 109.

19 Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / oprac. E. Galos i F. Mincer, pod red. naukową W. Czaplińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 247–248.

с Самуэлем Кмитичем²⁰, что, однако, не должно непременно свидетельствовать о таком же настрое самого магната. Осенью 1655 и в начале 1656 г. мы застаем Глебовича на Подляшье, где он несколько раз посещал Тыкоцин и, следовательно, мог встречаться с Радзивиллами²¹. В феврале произошла встреча жмудского старосты с новым великим гетманом литовским Павлом Сапегой, после которой они сделались многолетними союзниками²², хотя и в последующие годы Глебович сохранял связи с Радзивиллами²³.

Контакты Глебовича с Москвой на первый взгляд производят впечатление череды упущенных возможностей. В августе 1655 г. некоторые представители литовской шляхты, отрицательно относившиеся к идее подчиниться Швеции и надеявшиеся стабилизировать положение путем соглашения с царем, рассчитывали на поддержку Глебовича и даже убедили русское правительство направить ему царскую грамоту с призывом приехать к царю и принести присягу на верность²⁴. Русский эмиссар, везший ее, однако, не сумел с ним встретиться, почему мы и остаемся в неведении, насколько жмудский староста солидаризовался бы с указанной инициативой.

На рубеже 1655–1656 гг. о склонности Глебовича признать русскую власть в Москву сообщал воевода троцкий М.-С. Пац²⁵, после чего Алексей Михайлович вновь пытался установить с Глебовичем контакт, призвав его вместе с Жмудским княжеством под свою «высокую руку» в расчете инспирировать этим антишведское движение²⁶. Царское правительство, однако, не учло, что в тот момент Глебович был отрезан шведами от Жмуди и его статус старосты был лишь формальностью, не только из-за шведской оккупации княжества, но и из-за того, что он едва ли имел прочные связи с местной шляхтой.

20 Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego. Zabrze, 2010. S. 23, 25.

21 Wasilewski T. Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła // Radziwiłł B. Autobiografia / wstępem poprzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa, 1979. S. 54, 56.

22 Wasilewski T. Wstęp // Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa, 1978. S. 41.

23 Wasilewski T. Zarys dziejów... S. 95, 228; см. также: Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa, 1997. T. VII. S. 57.

24 Зaborовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М., 1994. С. 40–41. Грамота 5 (15) сентября 1655 г.

25 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 75.

26 Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CX. 2003. № 2. S. 39.

К сентябрю 1656 г., когда произошла встреча Глебовича с Нестеровым, политическая обстановка сильно изменилась. Шведы вынуждены были перейти к обороне, а под Вильной вовсю шли русско-польские мирные переговоры. Судя по беседам с русским дипломатом, эти переговоры вызывали у сенатора большие надежды. Ряд его заявлений раскрывает его позицию по отношению к Москве. В ответ на предложение царского посланника приехать к царю и поступить к нему на службу, что откроет перед магнатом возможность вновь пользоваться своими владениями «великого государя нашего... в городех» (т. е. в завоеванной части Литвы), сенатор отвечал: «Я тово ожидаю, как великие послы в Вильне о миру договор учинят, а маestности мои – Дубровна и иные маestности – будут за великим государем вашим, за его царским величеством, и я буду служить к великому государю...» Иными словами, в том случае, если мирное урегулирование включало бы в себя официальную передачу Русскому государству территории Великого княжества Литовского и на этих уступленных территориях оказались бы основные владения сенатора, прежде всего город Дубровна на Днепре, он был бы готов присягнуть царю. При этом он обещал, что при таком развитии событий его примеру последует «многая шляхта»²⁷. Виленский договор, однако, оказался лишь перемирием, не включавшим в себя отказа Польско-Литовской республики от своих земель, а избрание Алексея Михайловича на польский трон не состоялось. Таким образом, с этого момента у сенатора больше не было особых оснований держаться прорусской ориентации. В 1658–1659 гг. он участвовал в военных действиях на западе Литвы и, как мы видели, вновь столкнулся с Нестеровым во время осады Ковна²⁸. Тем не менее Глебович оставался сторонником мирного урегулирования, в чем был особенно заинтересован как обладатель обширных владений на востоке великого княжества²⁹. С 1660 г. он неизменно становился участником русско-польских мирных переговоров – это означает, между прочим, что он был свободен от подозрений в излишних симпатиях к Москве, – и был одним из комиссаров, подписавших в 1667 г. Андрусовский договор³⁰.

Ян Храповицкий, следующий информант, названный Нестеровым, не может быть никем иным, кроме известного автора дневника,

27 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 94–95.

28 Прудовский П. И. Не только пером... С. 345–347.

29 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 549–550.

30 Czaplinski W. Hlebowicz Jerzy Karol // Polski słownik biograficzny (далее – PSB). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960–1961. Т. 9. С. 543.

будущего воеводы витебского Яна-Антония Храповицкого. Нестеров представляет его как бывшего «капитана дорогобужского», и действительно, Ян-Антоний занимал этот пост с 1646 г.³¹ Поскольку в обязанности капитана входила переписка с русскими пограничными властями о различных текущих вопросах, именно в этом качестве Храповицкий мог быть лучше всего знаком в России, почему Нестеров и называет его капитаном, а не смоленским хорунжим, каковую должность он в тот момент занимал. Храповицкие находились в родстве с Глебовичами, но были связаны также с биржанскими Радзивиллами, которым, в частности, служил отец Яна-Антония, истовый кальвинист, крайне не одобрявший обращение сына в католицизм. Сам Ян-Антоний входил в клиентелу Юрия Глебовича, который в течение многих лет был его главным покровителем. В первые годы русско-польской войны Храповицкий лишился всех своих имений, два его старших брата попали в русский плен и были сосланы в Казань, а младший брат остался в Смоленске на царской службе³². Сам Ян-Антоний в 1655 г. находился с литовским войском и вместе с Янушем Радзивиллом подписал Кейданскую декларацию³³. Вскоре, однако, он отделился от Радзивилла, отступив на границу Литвы и Подляшья с какими-то подразделениями литовской армии, отвергшими политику великого гетмана, однако не присоединился вместе с ними к группировке Павла Сапеги и ряда других сенаторов в Бресте и сохранял, по выражению Т. Василевского, «нейтральность»³⁴. В феврале 1656 г. он участвовал в переговорах Глебовича и Сапеги, открывших эпоху сотрудничества этих магнатов, и стал близким «другом» и доверенным слугой последнего, получившего в это время от короля булаву великого гетмана. Во время столкновений радзивилловских и сапежинских войск на Подляшье в феврале – апреле он посредничал между двумя сторонами, благодаря связям с обеими³⁵. В разногласиях между Сапегой и королем, нараставших в течение 1656 г. и остро проявившихся на литовской конвокации в Бресте в марте 1657 г., Храповицкий поддерживал великого гетмана³⁶.

31 *Wasilewski T. Wstęp.* S. 28.

32 *Ibid.* S. 16–21, 40.

33 *Kotljarchuk A. In the Shadows...* P. 105.

34 *Wasilewski T. Wstęp.* S. 41.

35 *Ibid.* S. 41–42.

36 *Ibid.* S. 43; см. также: *Rachuba A. Sapieha Paweł Jan // PSB. Warszawa; Kraków, 1994.* S. 141; *Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa, 1997. T. VII. S. 54–55.*

В своем дневнике Ян-Антоний отметил приезд Нестерова. Под 28 сентября читаем: «гонец или посланник от царя ночевал в Каменце-Литовском». Под 29 сентября указано, что он был у «пана старосты жмудского», т. е. Глебовича, на обеде³⁷.

Третьим информантом Нестерова о событиях Варшавской битвы назван «королевский покоевый дворянин Оборский». Известно по меньшей мере пятеро Оборских, действовавших в эти годы. Четверо связаны с землями Черской и Ливской (юг и юго-восток Мазовецкого воеводства) и в какой-то мере с Подляшьем. Ян в 1649–1657 гг. был ливским подкоморием³⁸. Возможно, именно его имения на Подляшье были разорены Б. Радзивиллом в апреле 1656 г.³⁹ Ян-Зигмунт, в 1652 г. – дворянин королевский, с конца 1654 или начала 1655 г. был каштеляном варшавским и занимался в этом качестве обороной столицы в годы польско-шведской войны. В июне 1656 г. он принимал участие в осаде города Яном-Казимиром, был при этом ранен⁴⁰. Затем известно двое Марцинов Оборских. Первый, также королевский дворянин, был с 1638 г. старостой ливским, а с 1645 г. – и старостой сохачевским; его политическая карьера была теснее связана именно с последней землей, от которой он не раз выбирался послом на сейм⁴¹. Второй Марцин был сыном вышеупомянутого Яна, вслед за которым стал ливским подкоморием. До получения этого первого в своей карьере уряда он имел достоинство королевского покоевого дворянина⁴², что делает его наиболее вероятной кандидатурой в собеседники Нестерова. Правда, имеется упоминание о пятом Оборском, судье земском Ковенского повета, от которого он был выбран послом на сейм 1658 г., но более конкретных данных о нем обнаружить не удалось⁴³.

Публикуемый рассказ о Варшавской битве изобилует неточностями. Численность шведско-бранденбургской армии и союзных

37 Chrapowicki J. A. *Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664*. Warszawa, 1978. S. 101.

38 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697) // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 445.

39 Płosiński J. *Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657*. Zabrze, 2006. S. 88. Cp: Wasilewski T. *Zarys dziejów...* S. 60. Здесь предполагается, что это был Ян-Зигмунт.

40 Keckowa A. Oborski Jan Zygmunt // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 438.

41 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1674) // PSB. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. T. 23. S. 445.

42 Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697). S. 445.

43 Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemsiego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668 / wyd. W. Seredyński. Kraków, 1875. S. 169.

Польше татар завышена (первой – 25 000 против действительных 18 000, вторых – 15 000 против действительных 2 000), ошибочно указано участие в битве Богуслава Радзивилла и неучастие польских подразделений. Неверны утверждения об отсутствии артиллерии в польско-литовской армии и о количестве погибших (10 000 против гораздо меньшего действительного числа – вероятно, около 2 000). В целом поражение Речи Посполитой в этом описании оказывается гораздо тяжелее, чем в действительности. Изложение событий, случившихся после битвы, в основном подтверждается другими источниками. Единственным крупным расхождением с действительностью является рассказ о сражении при Варках, которое произошло еще в апреле; в августе же шведский король Карл-Густав и польский военачальник С. Чарнецкий не сходились в битве. Вероятно, Нестеров каким-то образом недопонял своих собеседников или до них дошли слухи, ложно сведшие двух полководцев лицом к лицу.

Царский посланник не разграничивает информацию, полученную от каждого из собеседников. Он дает общее суммарное изложение их сообщений. При этом он не отмечает никаких противоречий, что означает минимальное расхождение между ними. Несомненно, наиболее информированным был Глебович, состоявший в переписке с другими сенаторами Речи Посполитой и королем. Приближенный к нему Храповицкий, скорее всего, разделял и значительную часть получаемой его патроном информации, а кроме того, и сам располагал широким кругом корреспондентов. В своем дневнике он сообщает, что уже 1 августа узнал о победе шведов от спасшихся участников битвы⁴⁴. Еще больше рассказов о битве должны были принести части литовского войска, отступившие к Бресту. Вполне вероятно поэтому, что в своей значительной части полученная Нестеровым информация восходит к толкам и настроениям литовской шляхты, участвовавшей в сражении. В наибольшей степени это должно относиться к осмыслению причин поражения и поиску виновных в неудаче. Весьма значимательно, что ответственность за это здесь, как и в других сообщениях, восходящих к литовской шляхте, возлагается на польскую часть армии⁴⁵. Означают ли недовольство поляками и констатация польско-литовской розни лишь мимолетные разногласия двух народов шляхетской республики, или в этом можно усмотреть свидетельство о существовании в Литве политической ориентации, направленной

44 *Chrapowicki J. A. Diariusz.* S. 97.

45 Прудовский П. И. Трехдневная битва... С. 18–19, 24–25.

на дистанцирование от Польши? Хорошо известно о существовании в определенные моменты во время русско-польской войны группировок магнатов и шляхты, заинтересованных в сближении с Москвой⁴⁶. Сообщение Нестерова свидетельствует об ином. Зафиксированная им оппозиция королю и Короне не означала автоматической ориентации литовской шляхты на Россию. Едва ли здесь можно говорить о сепаратизме Великого княжества Литовского: противопоставление полякам выражено более резко, чем противопоставление королю, что говорит о сохранении лояльности к нему. При этом нельзя списать резкие высказывания на эмоции, кипевшие после поражения, так как со временем битвы прошло уже два месяца. Думается, зафиксированные Нестеровым и рядом других сообщений настроения свидетельствуют, что в тот момент в свободной от русской власти части великого княжества начинал формироваться зародыш «партии», ставящей себя в резкую оппозицию польской половине Речи Посполитой, однако дальнейшее развитие событий оказалось неблагоприятным для ее кристаллизации.

В приложении публикуется текст рассказа о Варшавской битве, записанный А. И. Нестеровым. Публикация осуществлена по общепринятым правилам, текст сверен с черновым статейным списком⁴⁷.

Приложение

1656 г., сентября 17/27. Из статейного списка посланника царя Алексея Михайловича к польскому королю Яну-Казимиру стольнику Афанасию Ивановичу Нестерову с изложением известий о Варшавской битве и других событиях шведско-польской войны.

(Л. 78) Сентября 17-го дня в местечке Каменце сказывал Офонасью староста жмоцкий (л. 79) [Юрий-Кароль Глебович: писали-де] к нему с Украины от Каменца-Подольского]⁴⁸, что⁴⁹ гетман Хмельницкой с волоским князем, и с мутьянским князем, и с Ракоцем венгерским ссылки частые имеет, договор меж себя в ссылках учинили,

46 Флоря Б. Н. Русское государство... С. 234–235, 526.

47 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 6–12.

48 Утраты по верхнему краю листа, лакуна восполнена по черновому статейному списку (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 31. Л. 6).

49 Вписано над строкой.

что им, гетману Хмельницкому, и Ракоце венгерскому, и волоскому, и мутьянскому князем быти в приятстве и в дружбе. И чтоб гетман Хмельницкий великому государю вашему, его царскому величеству, по ссылке Ракоцы венгерского, и волоского, и мутьянского князей какие изменения не учинил.

Да он же, Юрыи-Кароль Глебович, да Ян Храповицкий, которой был в Дорогобуже капитаном, да в Бресте-Литовском корлевской покоевой дворянин Оборский сказывали Офонасью. В прошлом во 164-м году, уведав свейской король, что полской король взял Варшаву, и в ююле месяце перед Ильиным днем⁵⁰ свейской король с курфистром бранденбургским пришол ис Прус под Варшаву безвестно от литовские стороны реки Вислы, а с ним было (л. 80) ратных людей: и свейских, и пруских немец, и шляхты корунной и литовской, которые з Богуславом Радивилом польскому королю изменники, всего з дватцать с пять тысяч человек. А полской король в то время с корунными ратными людьми стоял с польской стороны реки Вислы от Варшавы, а с литовские стороны реки Вислы стоял полковник литовской князь Казимер⁵¹ Полубенский, воеводич пернавский, с литовскими ратными людьми, а с ним было литовских людей 6 000 человек, да татар крымских и с обозными татары с 15 000 человек.

И уведав польский король, что свейский король с курфистром бранденбургским пришол к Варшаве, велел перейти за реку Вислу в mestечко Прагу к польному гетману Станиславу Лянцькорунскому, а с ним велел перейти корунным ратным людем 6 000 человек. И после того польской король не со всеми польскими людьми перешол за реку Вислу. И под тем mestечком Прагою (л. 81) у польского короля с свейским королем и с курфистром бранденбургским был бой по три дни, а бились с стороны польского короля с свейским королем литовской полковник князь Казимер Полубенский, воеводич пернавский, с литовскими людьми да крымские татары, у крымских татар начальной человек мурза Суфан Казята⁵².

И свейской король на том бою литовских людей убил с 2 000 человек да крымских татар с 3 000 человек, а гетман литовской (л. 82) Павел Сапега в то время был болен, прежде того бою упал с лошади и зломил ногу в вертлуге выше стегна⁵³. А коронные ратные люди,

50 20 июля ст. ст.

51 Ошибка: в действительности Полубенского звали Александр-Хиларий.

52 Субхан Гази-ага.

53 Это произошло 27 июля н. ст. (*Rachuba A. Sapieha Paweł Jan. S. 141*).

которые были с польским королем и з гетманы, стояли полками вправе, а литовским людем и крымским татаром на бою не помогали и с свейским королем не бились. А иные польские ратные люди стояли с польские стороны за рекою Вислою у Варшавы, а с полским королем на бой против свейского короля битися не пошли, для того что им, польским (л. 83) ратным людем, литовские ратные люди по многое время смеялись, что они, польские ратные люди, польскому королю изменяя, служили свейскому королю. И польской король о том вельми сердит был, что польские люди с свейским королем не бились и литовским людем и крымским татаром на бою не помогали. И видя полской король, что польские люди с свейским королем не бьютца, пошол за реку Вислу и хохол у себя на голове драл.

И свейской король, видя, что польские люди с ним, свейским королем, не бились и что полской король пошол за реку Вислу, велел своим людем с пушками стать у реки Вислы у мосту и ис пушек велел стрелять, чтоб полского короля и корунных ратных людей от реки Вислы отбить и мост, которой был через реку Вислу, велел роспустить. А с свейским королем привезено было семдесят пушек полковых и больших. И ис пушек полских и литовских людей и крымских татар от реки Вислы и от мосту свейские немцы отбили. А у полского короля и у литовских людей пушек не было. (л. 84) И после того бою полковник литовской князь Казимер Полубенской со всеми *литовски-ми ратными⁵⁴ людьми пошол к Брестю-Литовскому, а крымские татары пошли вверх по реке Висле к Люблину, а которые польские ратные люди остались с литовские стороны за рекою Вислою, свейские немцы тех полских ратных людей побили с 5000 человек.

И польской король хотел еще в Варшаве быть, и сенаторы польские в Варшаве быть не хотели. И польской король, видя их нерадение и что литовские люди пошли к Брестю, покиня Варшаву, пошол х Казимеру и под Казимером реку Вислу перевезся и пошол к Люблину, а с ним пошли корунные сенаторы и полских ратных людей с 5000 человек или больши. А полковник корунной Степан Чернецкий с корунными ж ратными людьми с польские стороны реки Вислы пошол (л. 85) к mestечку Варкам.

А как литовской король, покиня Варшаву, пошол к Люблину, и свейской король перешол реку Вислу и пришол в Варшаву, а в Варшаве в то время было немного мещан. И в Варшаве был король свейской

54 В рукописи «ратными польскими». Исправлено по черновику (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 31. Л. 7).

с курфистром бранденбургским недели з две и болши. И из Варшавы свейской король послал в Krakов свейских и прусских немец 3000 человек на перемену тем немецом, которые зиму и весну сидели в Krakове. А было в Krakове свейских немец 2000 человек. И как ис Krakова свейские немцы пошли к свейскому королю к Варшаве, и уведав в Люблине полской король, что свейских немец две тысячи человек ис Krakова идут, послал х корунному полковнику к Чернецкому крымских татар тысячю человек, а велел Чернецкому и крымским татаром тех свейских немец, которые шли ис Krakова, ждать на дороге тайно. И полковник Чернецкий и крымские тата- (л. 87) ровя, дождався на дороге тех свейских немец, Krakовских сидельцов, всех побили и богатство Krakовское взяли⁵⁵. А которые свейские немцы три тысячи человек посланы в Krakов из Варшавы, и те и ныне в Krakове. А в то время в Варшаве при свейском короле почало быть моровое поветрие. И свейской король велел в Варшаве костелы и дома разорять и под городовую стену и костелы велел порох посыпать, и порохом городовую стену, и костелы, и дома многие взорвало, а сам пошол от Варшавы прочь. И уведав свейской, что корунной полковник Степан Черницкий с корунными ратными людьми стоит в местечке Варках, пошол на него с курфистром бранденбургским. И под местечком Варкою у свейского с полковником Черницким бой был по два дни, и на тех боех побито свейских немец и польских людей на обе стороны тысячи по две и больши. И после того бою свейской король и курфистр бранденбургской пошли (л. 86) от местечка Варка к городу Торуни и ко Гданьску. А Богуслав Радивил в то время был в Прусех от литовские границы, а с ним литовская корунная шляхта и прусские немцы. А крымских татар польской король призвал к себе один, без сейму и не говоря с корунными сенаторы. И им, корунным сенаторем, и литовскому гетману Павлу Sapеге, и всей Речи Посполитой то в великую досаду, и от крымских татар все опасны почали быть: только-де нам разорение будет от крымских татар, какое разорение нам было от запорожских черкас. И татаровя крымские поляков и литву многих побивают, и грабят, и дома их разоряют и пожигают, и в полон паней и девок емлют, и наруганье большое чинят. А приказал-де крымским татаром польской король тайно, велел поляков побивать и дома их разорять, которые ему не служат и добра не хотят.

55 Речь о столкновении 24 августа при Стшемешне, в котором был разбит шведский отряд, сопровождавший обоз с добычей из Krakова (*Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów; Warszawa, [1917]. S. 74.*)

Юрии ж Глебович сказывал Офонасью, что нынешние весны [с]⁵⁶ свейским королем ратных свейских людей немного было, только (л. 90) з десять тысяч человек, потому что свейские немцы оставлены были в городах: в Кракове, Варшаве, в Торуни, в Ловичах, в Познани, в Колиже, в Ланчице, в Хойницех и в иных полских городах и в Кропивце. И по ссылке свейского короля х курфистру бранденбурскому в июне месяце изменил польскому королю он, курфистр бранденбурской, со всеми своими ратными людьми пришел в сход к свейскому королю, а ратных людей с курфистром бранденбурским у свейского короля с 12 000 человек. Да польскому же королю измения Богушслав Радивил, ныне служит свейскому королю вместе с курфистром бранденбурским. А к нему, Богушлаву Радивилу, измения польскому королю, отъехали к свейскому королю служить корунные литовские шляхты и иных всяких чинов людей с 5 000 человек. И с свейским королем ратных людей, свейских и прусских немец и короля польского изменников, з 25 000 человек. Только на боех от свейского короля польским и литовским людем шкода и упадок большой чинитца от пушек, многих литовских людей ис пушек (л. 88) побивают, а стреляют ис пушек на все стороны, и некоторыми вымыслы над свейским королем от его пушек и от пушечные стрельбы большого промыслу не уметь чинить. А у польского короля пехоты мало и пушек возить некому. И с свейским королем без пехоты и без пушек битца – только ратных людей терять.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. № 30. Л. 78–88, 90.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М.: Московский архив Министерства юстиции, 1853. V + 500 с.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. IX + 611 с.

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2009. Т. 2. 463 с.

56 Нет в рукописи, восстановлено по смыслу.

Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.

Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 264 с.

Боярская книга 1658 г. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М: Институт российской истории РАН, 2004. 336 с.

Боярская книга 1667 года / публикация В. А. Кадика // Российская генеалогия: Научный альманах. М.: Старая Басманская, 2023. Вып. 14. С. 350–600.

Боярская книга в столбцовой форме 1630–1631 гг. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: Научный альманах. М.: Старая Басманская, 2023. Вып. 14. С. 111–194.

Зaborовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М.: Наука, 1994. 189 с.

Прудовский П. И. Не только пером: Отписка царского дипломата об обороне Kovna от польско-литовских войск в конце 1658 – начале 1659 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. С. 342–347.

Прудовский П. И. Развитие русско-бранденбургских дипломатических отношений в середине XVII века // Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. М., 2013. Т. 1. С. 449–517.

Прудовский П. И. Трехдневная битва под Варшавой 1656 г. в русских источниках // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 9–27. DOI: 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01

Россия и Пруссия в середине XVII века: Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / сост. П. И. Прудовский. М.: Древлехранилище, 2013. Т. 1. 576 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Флоря Б. Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CX. 2003. № 2. С. 25–49.

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978. 664 с.

Czaplinski W. Hlebowicz Jerzy Karol // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1960–1961. Т. 9. С. 543–544.

Keckowa A. Oborski Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 436–437.

Keckowa A. Oborski Jan Zygmunt // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 437–438.

Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1674) // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 445.

Keckowa A. Oborski Marcin (zm. po r. 1697) // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978. T. 23. S. 445–447.

Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Söder-törn: Södertörns högskola, 2006. XIV + 345 p.

Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Warszawa: Gebethner i Wolf, [1917]. 439 s.

Medeksza S. F. Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemskiego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668 / wyd. W. Seredyński. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1875. XXV + 526 s.

Płosiński J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657. Zabrze: Inforeditions, 2006. 203 s.

Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego. Zabrze: Inforeditions, 2010. 311 s.

Rachuba A. Magnateria – specyfika litewska // Honestas et turpitudo: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. E. Dubas-Urwanowicz, M. Kupczewskiej, K. Łopateckiego i J. Urwanowicza. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2019. S. 55–74.

Rachuba A. Sapieha Paweł Jan // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków: FNP, 1994. T. 35. S. 138–148.

Rachuba A. Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662 // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1997. T. VII. S. 51–70.

Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / oprac. E. Galos i F. Mincer pod red. naukową W. Czaplińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968. 328 s.

Wasilewski T. Wstęp // Chrapowicki J. A. Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978. S. 5–74.

Wasilewski T. *Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła* // Radziwiłł B. Autobiografia / wstępem popzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. S. 7–99.

References

- Belousov, M. R. *Boiarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskii istochnik*. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'ianova-Lenina, 2009, vol. 2, 463 p.
- Bogoiavlenskii, S. K. *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006, 608 p.
- “Boiarskaia kniga 1667 goda. Published by V. A. Kadik.” *Rossiiskaia genealogiia: Nauchnyi al'manakh*. Moscow: Staraia Basmannaia, 2023, vol. 14, pp. 350–600.
- Boiarskaia kniga 1639 g.*, ed. by V. I. Buganov. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1999, 264 p.
- Boiarskaia kniga 1658 g.*, ed. by N. M. Rogozhin. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004, 336 p.
- “Boiarskaia kniga v stolbtsovoi forme 1630–1631 gg. Published by E. N. Gorbatov.” *Rossiiskaia genealogiia: Nauchnyi al'manakh*. Moscow: Staraia Basmannaia, 2023, vol. 14, pp. 111–194.
- Chrapowicki, J. A. *Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978, 664 p.
- Czaplinski, W. “Hlebowicz Jerzy Karol.” *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1960–1961, vol. 9, pp. 543–544.
- Floria, B. N. “Ot Potopa do Vilna. Russkaia politika po otnosheniiu k Rechi Pospolitoi v 1655–1656 gg.” *Kwartalnik Historyczny*, 2003, vol. CX, 2, pp. 25–49.
- Floria, B. N. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedи (1655–1661)*. Moscow: Indrik, 2010, 656 p.
- Floria, B. N. *Vneshnopoliticheskia programma A. L. Ordina-Nashchokina i pobytki eio osushchestvleniiia*. Moscow: Indrik, 2013, 448 p.
- Keckowa, A. “Oborski Jan Zygmont.” *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 437–438.
- Keckowa, A. “Oborski Jan.” *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 436–437.
- Keckowa, A. “Oborski Marcin (zm. po r. 1674).” *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, p. 445.
- Keckowa, A. “Oborski Marcin (zm. po r. 1697).” *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1978, vol. 23, pp. 445–447.
- Kotljarchuk, A. *In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century*. Södertörn: Södertörns högskola, 2006, XIV + 345 p.

- Kubala, L. *Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657*. Lwów; Warszawa: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i sp.; Gebethner i Wolf, [1917], 439 p.
- Medeksza, S. F. *Stefana Franciszka z Prószcza Medekszy, sekretarza Jana Kazimierza, sędziego ziemskego kowieńskiego, księga pamiątkowa wydarzeń zaszych na Litwie 1654–1668*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1875, XXV + 526 p.
- Płosiński, J. *Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657*. Zabrze: Inforeditions, 2006, 203 p.
- Prudovskii, P. I. “Ne tol'ko perom: Otpiska tsarskogo diplomata ob oborone Ko- vna ot pol'sko-litovskikh voisk v kontse 1658 – nachale 1659 g.” *Edinorog’: Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. Moscow: Kvadriga, 2011, vol. 2, pp. 342–347.
- Prudovskii, P. I. “Razvitie russko-brandenburgskikh diplomaticeskikh otnoshenii v seredine XVII veka.” *Rossiia i Prussiia v seredine XVII veka: Posol’skaia kniga po sviaziam Rossii s Brandenburgsko-Prusskym gosudarstvom 1649–1671 gg.* Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, vol. 1, pp. 449–517.
- Prudovskii, P. I. “Trekhdnevnaia bitva pod Varshavoi 1656 g. v russkikh istochnikakh.” *Slavianskii mir v tret’em tysiacheletii*, 2024, 19 (3–4), pp. 9–27. DOI: 10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.01
- Rachuba, A. “Magnateria – specyfika litewska.” *Honestas et turpitud: Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2019, pp. 55–74.
- Rachuba, A. “Sapieha Paweł Jan.” *Polski słownik biograficzny*. Warszawa; Kraków: FNP, 1994, vol. 35, pp. 138–148.
- Rachuba, A. “Sprawa dóbr Radziwiłłów birżańskich w latach 1655–1662.” *Miscellanea historico-archivistica*. Warszawa: DiG, 1997, vol. 7, pp. 51–70.
- Rachuba, A. *Konfederacje wojska litewskiego*. Zabrze: Inforeditions, 2010, 311 p.
- Radziwiłł, B. *Autobiografia*, wstępem popzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979, 381 p.
- Rossiia i Prussiia v seredine XVII veka: Posol’skaia kniga po sviaziam Rossii s Brandenburgsko-Prusskym gosudarstvom 1649–1671 gg.*, ed. by P. I. Prudovskii. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, vol. 1, 576 p.
- Vorbek-Lettow, M. *Skarbnica pamięci: Pamiętnik lekarza króla Władysława IV*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968, 328 p.
- Wasilewski, T. “Wstęp.” Chrapowicki, J. A. *Diariusz. Część pierwsza: lata 1656–1664*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1978, pp. 5–74.
- Wasilewski, T. “Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła.” Radziwiłł, B. *Autobiografia*, wstępem popzedził i opracował T. Wasilewski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979, pp. 7–99.
- Zaborovskii, L. V. *Velikoe kniazhestvo Litovskoe i Rossiia vo vremia pol’skogo Potopa (1655–1656 gg.): Dokumenty, issledovanie*. Moscow: Nauka, 1994, 189 p.

The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles

Petr I. Prudovsky

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: p.prudovskiy@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-9158-7809

Citation

Prudovsky P. I. The Perception of the Battle of Warsaw of 1656 by Lithuanian Nobles // Slavic Almanac. 2025. No. 3–4. P. 12–31 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.01

Received: 25.02.2025.

Revised: 12.06.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

Russian diplomatic sources contain traces of the “Lithuanina version” of the Battle of Warsaw of July 28–30, 1656, which differ significantly from the well-known Swedish, Polish and Brandenburgian descriptions of the event. This suggests that these less-known descriptions reflect the perception of the battle by the Lithuanina nobility and its tendency to position Lithuania after 1656 in opposition to both Poland and Russia. The impossibility of following this “third way” during the ongoing war led to this attitude disappearing relatively quickly, hence its absence in other known primary sources. The article analyzes the most detailed description of the battle of Warsaw and the events following it authored by prominent Lithuanian nobles, Y. Glebovich, Y. Khrapovitsky and others. The text itself is published as an appendix.

Keywords

Seventeenth-Century Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, Northern Wars, nobility of the Grand Duchy of Lithuania, A. I. Nesterov, J. K. Hlebowicz, J. A. Chrapowicki.